

А.В. Парибок

О СЛОЖНЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРИЕМАХ В ДХАММАПАДЕ¹

В статье анализируются поэтические приемы отдельных строф «Дхаммапады», роднящие ее с иератической традицией анаграмм и звукописи. Делается вывод о в целом равной аутентичности ряда диалектальных вариантов этой буддийской антологии.

Ключевые слова: поэтика, индоевропейские языки, анаграмма, буддизм, аллитерация, иератическая поэзия, Дхаммапада.

A.V. Paribok

ANAGRAMS AS HIERATIC POETICAL TECHNIQS IN DHAMMAPADA

The paper deals with the poetic techniques of some enigmatic verses of the Dhammapada, which make them akin to the old Indo-European hieratic poetic tradition.

Keywords: poetics, Indo-European languages, anagram, Buddhism, alliteration, hieratic poetry, Dhammapada.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, № проекта 16-18-10427.

I. В ранней канонической литературе на пали богато представлена поэзия, в том числе все три функционально-стилистические ее разновидности: эпическое творчество, фольклор и древнейшая иератическая традиция, связанная преемственностью с ведийскими самхитами. Примером первого являются многие джатаки «Маханипаты», представляющие собою эпические повествования размером от малой до средней формы, сюжетно и стилистически весьма близкие к вставным эпизодам «Махабхараты», а также импровизационное творчество известного ученика Будды Вангисы, в прошлом сказителя, которому в «Тхерагатхе» приписано весьма большое число строф. Примеры второго встречаются в «Сутта-нипате» (где, впрочем, находится место и для двух других традиций), в «Дигха-никае» (к примеру, в «Сутре вопросов Шакры» гандхарва исполняет Будде сочиненную им для своей возлюбленной любовную песню, аккомпанируя себе на вине), а также в первых нипатах книги джатак. Ранние образцы малой формы, строфической поэзии жанра субхашита, достаточно обильной в раннебуддийской литературе, с точки зрения используемых поэтических приемов колеблются между эпической и иератической традициями, в целом тяготея к первой. Параллели или даже почти буквальные повторы одной и той же пады в «Махабхарате» и в сутрах давно и хорошо известны. Однако среди буддийских субхашит попадаются, пусть в сравнительно малом числе, и несомненные образцы *иератической* поэзии с такими характерными для нее приемами, как многосмысленность, загадочность и, что самое интересное, опора на звуковой подтекст, раскрытие и расшифровка которого дает полноту смысла, добавляя недостающие компоненты к буквально сказанному. Именно такие приемы, обнаруженные в палийской «Дхаммападе», и рассматриваются в данной статье. Опишем главное в нашем подходе и, обобщая заранее результат разбора конкретных строф, отметим следующие моменты.

1. «Дхаммапада» представляет собою лишь один из вариантов антологии субхашит, известных в буддийской литературе. Наряду с нею известны варианты на других близкородственных и, как разумно предположить, бывших взаимно понятными языках — гандхари, не вполне корректном санскрите («Уданаварга») и пракритские версии. В ту эпоху было распространено поэтиче-

ское творчество малых форм в среде близкородственных, но фонетически несколько отличающихся друг от друга форм речи, носители любой из которых были способны распознавать названные выше приемы. Поэтому я исхожу из допущения, что в целом, на абстрактном уровне, такая поэзия творилась с позиции авторского языкового сознания не на конкретном локальном варианте языке, но сразу предполагала некоторое множество своих конкретных диалектальных реализаций, притом самой удачной из них следует признать ту, в которой проявлен звуковой поэтический прием с подтекстом. Называть его, как нередко делается, «анаграммой» будет неточно, поскольку для индийской традиции куда более характерна опора на неделимую единицу произнесения (слог, акшару), а не собственно на «букву и звук», что подразумевается при строгом использовании термина «анаграмма». Однако наряду с перестановкой и перетасовкой акшар надо учитывать и возможность нагнетания звукотемы, к примеру, зубных (t, th, d) или губных (p, ph, b) смычных, а также вокальных и консонантных вариантов одного и того же звука вместе с естественной тенденцией к ассимиляции по соседству (например, не только г и ḡ, но рядом с ними церебральные ṭ, ḍ и ṇ вместо зубных t, d, n).

2. В переборе вариантов я ограничиваюсь двумя языками — пали и санскритом, поскольку на фоне основательного знания этих двух языков моего понимания древних пракритов недостает для порождения эвристических догадок о подтексте.

3. Убедительность предположению о наличии в тексте звукотемы с подтекстом придает лишь содержащаяся в подтексте некоторая разгадка, наделяющая смысловой или эстетической завершенностью прямо выраженное. В противном случае мы впадем в произвол, подобный доморощенному этимологизированию.

4. Рассматриваемые субхашиты принадлежат буддизму, а для буддийского мировоззрения весьма характерна категориальная пара *sammuta* / *samvṛti* («конвенциональное, поверхностное, связанное с использованием знаков») и *paramattha* / *paramārtha* («относящееся к предмету мысли как таковому, окончательное»). Наше предположение можно считать окончательно доказанным, если обнаруживаемый через звукотему подтекст оказывается для буквального прочтения примерно в смысловом отношении *paramārtha* к *samvṛti* буквального текста.

5. Происходящий в уме слушателя процесс понимания загадочной строфы с подтекстом предвосхищает и моделирует в среде речи предстоящий слушателю, как буддийскому йогу, процесс преобразования его обыденной сансарной ментальности в духовный строй арийской личности, а в пределе — архата. Тем самым подобные строфы не только поэтичны, но и оказываются искусным средством духовного обучения.

6. Ко времени окончательного оформления палийской комментаторской традиции всякое понимание поэтического измерения данных строф было утрачено. Так неожиданно подтверждается известное традиции предсказание, вложенное в уста Будды Шакьямуни, о грядущем оскудении его учения.

Разбираемые строфы даются по электронной версии палийской Типитаки Chaṭṭha Saṅgāyana, разночтения опущены.

II. Сравнительно простое противопоставление узуального значения «подлинному».

В главе «Дхаммапады» XIX, Dhammaṭṭhavaggo собраны строфы со сквозным поэтическим приемом противопоставления узуального значения слова его настоящему смыслу, сообразному с буддийским учением. Это, в частности, дало основание сформулировать выше пункт 4. Звукового подтекста в данной главе не было обнаружено, однако в псевдоэтимологизировании порой используются созвучия.

Поясняются и переосмысляются, в частности, следующие слова.

1. Dhammaṭṭho — не «исполняющий обязанности судьбы», но «утвердившийся в буддийской дхарме» (условно-социальное противопоставляется онтологическому).

2. Paṇḍito — не «многоученый», но «умно и нравственно ведущий себя с людьми». В обычном же языке слово paṇḍito многие столетия сохраняет двусмысленность учености и наличия ума.

3. Dhammadharo, букв. «держатель дхармы» — не столько «знающий много буддийских текстов на память», сколько «реализовавший рекомендации Будды, преобразовав свою личность». Однако начинают обычно с запоминания нужных текстов, что на следующем этапе оказывается для человека не самоцелью, а лишь средством.

4. Thero, «старик» — вовсе не тривиально поседевший с возрастом, которому, если он глуп, подлинное название — moghajiṇṇo,

«втуне одряхлевший», но «старец», «старший во дхарме», пусть не слишком почтенного возраста.

5. Sādhurūpo, «благообразным» человека не следует называть, полагаясь лишь на его приятное внешнее обличье, но согласно его нравственному достоинству.

6. Samaṇo, «шраманом», т. е. «подвижником», некто делается не потому, что обрил себе голову, но в той мере, в какой он поборо в себе дурное.

7. Bhikkhu, «буддийским монахом», можно считать не того, кто живет доброхотным подаванием (хотя это правильная этимология слова bhikkhu!), но, согласно назидательной псевдоэтимологии, лишь человека, преодолевшего противопоставление дурного и злого отношения к себе.

8. Ariyo, «арием» по праву можно называть не того, кто, будучи господином над другими людьми, невозбранно причиняет им вред, но, напротив, арием становятся именно благодаря отказу от всякого насилия. А это, добавим мы из других контекстов, есть результат духовного делания, когда человек превращается в господина, но не для других, а лишь господина самого себя, т. е. ария в буддийском смысле.

III. Созвучие и звукотема без подтекста как элемент организации строфы.

DhP 13. Перевод. «Как в плохо крытый дом проникает дождь, так в нетренированный ум проникает страсть». Образ понятен. Но придержемся, почему именно страсть, а не какой-то другой изъян духа, например злость (krodho) или дурь (moḥo)? Ответ находится в звучании слов Yathā **agāraṃ** (дом) ducchannaṃ vuṭṭhī samativijjhati // Evaṃ abhāvitāṃ cittaṃ **rāgo** (страсть) samativijjhati. Слоги переставлены местами. При этом и для значения «дом», и для значения «страсть» язык располагает рядом синонимов, а потому выбор не случаен.

DhP 151 ab. Jīranti ve rājarathā sucittā, atho sarīrampi jaraṃ upeti. Санскритский вариант, благодаря наличию палатального ś и сохранности r, еще более нагнетает звукотеми:

Jīranti vai rājarathāḥ sucitrāḥ, atho śarīram' pi jarāṃ upeti. Буквальный перевод: «Изнашиваются даже пестрые княжеские колесницы, вот так и тело идет к старости». Небуквальный перевод с воссозданием звукотемы: «Ветшают даже колесницы князьи.

Вот так и тело склонится к тлену». Звукотема добавляет суггестивный смысл: «Старость для тела — словно князь для подданных».

IV. Звукотемы с подтекстом.

DhP 9–10.

Anikkasāvo kāsāvaṃ yo vatthaṃ paridahissati,

Apeto damasaccena na so kāsāvaṃ arahati.

Yo ca vantakasāvassa, sīlesu susamāhito,

Upe to damasaccena, sa ve kāsāvaṃ arahati.

«Если кто-то, несвободный от скверны, надевает охряное облачение, он далек от действительного самообуздания и не заслуживает охряницы. А если кто изливал скверну и хорошо блюдет правила поведения, то такой обладает действительным самообузданием и заслужил охряницу».

Строфы в переводе производят впечатление чисто нравучительных и мало поэтических, а повтор слова «охряное облачение» не кажется оправданным. Однако в палийском подлиннике звукотема слогов ka-sa-va с долгим и кратким -a- извлекает из подтекста важное понятие sāvaḥko, санскр. śrāvaka. Это «слушатель» Будды, т. е. человек, который услышал проповеди и методические рекомендации Бхагавана как обращенные к себе лично и уже сделал, по меньшей мере, первый неотменимый шаг в направлении выхода из сансары, стал «вступившим в поток» и находится на пути. Но само слово «слушатель» тоже надо в строфе услышать! А успех в понимании строфы предвосхищает дальнейший успех на духовном пути. Более того, завершающий строфу глагол arahati намекает на его заключительную стадию, когда становятся архатом (arhant).

Тема духовного пути в подтексте обнаруживается также в строфе DhP 98.

Вот палийское звучание:

Gāme vā yadi vāraññe, ninne vā yadi vā thale;

Yattha arahanto viharanti, taṃ bhūmirāmaṇeyyakaṃ.

Что в простом буквальном переводе означает: «Будь то в деревне или в пустыни, в низине или на твердом сухом месте, — где пребывают архаты, то место отрадно». Выглядит это вразумительно, но оставляет возможность задать два дотошных вопроса:

(а) «Правильно ли мы понимаем, что архатам приписана способность выбирать исключительно отрадные места пребывания?» и (б) «Чем объясняется выбор именно таких антитез? Почему “деревня и пустынь”, а не, положим, “деревня и город”, ибо буддийские монахи навещают поселения разного размера, или не “деревня и большая дорога”, ведущая от деревни к городу? Почему “низина и твердое место”, а не “горы и равнина”, либо, быть может, берег реки?» Первый намек на разгадку дается в третьей паде с элементами неполного палиндрома *yattha arahanto viharanti* «где архаты пребывают», но дальнейшее продвижение удастся лишь с учетом санскритской версии строфы.

Grāme vā yadi vāraṇye, nimne vā yadi vā sthale;

Yatrārhanto viharanti, sā bhūmī rāmaṇīyakā.

Звукотема *g-ā-r-m-ṇ-i* раскрывает себя как шифр выражения *mārge vā yadi vā nirvāṇe*, «будь то на буддийском пути или уже в нирване, ее конечном результате». На буддийском пути в строгом смысле находятся лишь слушатели-шраваки, а их буддийская персонология насчитывает четыре пары, ибо в ней называются четыре динамических этапа продвижения и четыре сравнительно статичных устойчивых результата. Вполне естественно считать, что «низина» в строфе соответствует динамическим этапам, поскольку путники в сыром месте не задерживаются, а устойчивая твердая почва, где можно остановиться, означает тогда длительный результат. Слово *bhūmī* в последней паде имеет не только обыденное значение «почва, земля, место», но и буддийское терминологическое «духовный уровень». Итак, любой этап продвижения по буддийскому пути отраден, но это не сразу очевидно из буквального смысла, это еще требуется обнаружить. Так же и буддийскому йогу придется потрудиться, прежде чем он станет шраваком и убедится в правдивости строфы.

99.

Ramaṇīyāni araṇṇāni, yattha na ramatī jano;

Vītarāgā ramissanti, na te kāmagavesino.

«Пустынь отрадна, — там, где нет отрады толпе, возрадуются избавившиеся от страсти, [ибо] они не гоняются за чувственными удовольствиями». Санскритский вариант добавляет отчетливости квазипалиндрому первой пады, а также возвращает глаголу *ramate* форму залога атманепада.

Ramaṇīyāny arañyāni, yatra na ramate janaḥ,
Vītarāgā ramiṣyanti, na te kāmagaṇeṣiṇaḥ.

В строфе, наряду с неполным палиндромом, неоднократно использован прием переразложения слов на стыках, т. е. неоднозначности членения звуковой последовательности на слова и морфемы — каламбур, но без намерения пошутить.

Vītarāgā ramiṣyanti «избавившиеся от страсти возрадутся» = vīta+agārā miṣyanti «откроют глаза (= прозреют) бездомные» (а «уход из дому в бездомность» — очень частое обозначение принятия монашества и вступления на путь). Na ramate janaḥ «где не радуется толпа» также и yatra na māra-tejanaḥ «где нет стрел Мары».

150.

(пали)

Aṭṭhīnaṃ nagaraṃ kataṃ, maṃsalohitalepanaṃ,
Yattha jarā ca **maccu** ca, māno makkho ca ohito.

(санскр.)

asthīnāṃ nagaraṃ kṛtaṃ, māmsa-lohita-lepanaṃ,
yatra jarā ca mṛtyuś ca, māno mraṅśaś cāvahitaḥ.

«Сработан город из костей, оштукатурен мышцами и кровью, — а спрятаны в нем старость и смерть, спесь и лицемерие».

Уподобление тела человека городу встречается в литературе неоднократно. Но чему в устроении города соответствуют старость и смерть? В паде обнаруживается квазипалиндром, так что ответ берется из звучания: Yattha jarā ca **maccu** ca «где старость и смерть = Yattha rāja ca **amaccā** ca «где царь и министры (советники)». При этом царь вполне последовательно соответствует старости, поскольку власть царя необходима так же, как необходимо, что рано или поздно состарятся все. Министры же соотносятся со смертью, поскольку она случается не только из-за необходимой старости, но и в силу других разнообразных причин. Не умерший от болезни или раны человек умрет от старости, а дело, которым не занялся ни один из министров, попадет в ведение самого царя. Теперь можно ответить и на вопрос, почему в строфе из множества разнообразных нравственных изъянов названы именно «спесь» и «лицемерие». Разумеется, потому, что спесь связывается с образом царя, а лицемерие — с министрами и советниками.

Санскритское звучание менее отчетливо поддерживает описанную звукотему, зато в нем из слова *mṛakṣa* «лицемерие» проглядывает *rakṣā* «защита», которую, очевидно, являются и спесь, и само лицемерие. Интересно было бы найти вариант пракрита, в звучании которого соединены оба намека.

21. (пали)

Appamādo amatapadaṃ, pamādo massuno padaṃ;

Appamattā na mīyanti, ye pamattā yathā matā.

«Небеспечность — шаг (стезя) бессмертья. Беспечность — шаг (стезя) смерти.

Небеспечные не умирают. А беспечные — что мертвецы».

Первый переводчик «Дхаммапады» на русский язык В.Н. Топоров отметил «исключительно высокую звуковую организацию этой строфы», но оказывается, что санскритский вариант и того изощреннее.

*Apramādo 'mṛtapadaṃ, pramādo *mṛtyunaḥ padaṃ;*

Apramattā na mriyante, ye pramattā yathā mṛtā.

Допущенная неправильность в форме родительного падежа **mṛtyunaḥ* не выходит за пределы допустимого в эпическом и тем более буддийском гибридном санскрите. Нагнетаемая звукотема *r-r-m-t* раскрывает себя как известнейший термин *rāgamitā* «трансцендирующее, т. е. выводящее прочь из сансары, совершенство». С учетом того, что слово *pramāda*, переданное как «небеспечность», имеет коннотацию «отклад благого дела на потом, прокрастинация», мы понимаем смысл строфы: если пользоваться каждой представившейся возможностью для работы над собою, не откладывая этого на потом, то трансцендирующее совершенство достижимо».

Строфы 153–154 считаются в палийской традиции первыми словами Будды, сказанными им тотчас после пробуждения.

153.

Anekajātisaṃsāraṃ sandhāvissaṃ anibbisaṃ,

Gahakāraṃ gavesanto. Dukkhā jāti punappaṇaṃ.

154.

Gahakāraka diṭṭho'si. puna gehaṃ na kāhasi.

Sabbā te phāsukā bhaggā, gahakūṭaṃ visaṅkhatāṃ.

Visaṅkhāragataṃ cittaṃ taṇhānaṃ khayam ajjhagā.

Дадим для начала близкий к буквальному перевод, согласный с традиционным толкованием.

«(а) Я прошел через круговорот многих рождений, не входя внутрь (anibbisam, что обычно переводят иначе, см. ниже) [и] // (b) разыскивая строителя дома. Тяжко это, повторно рождаться. // (c) Строитель дома! Тебя видно, больше ты дома не построишь. // (d) Все твои рёбра (или «приятности» — в пали два омонима) сломаны (однако «приятность» сломать невозможно, а что за «ребра», остается непонятным), конек на крыше разобран [на части]. // (e) Дух, пришедший в состояние разложенности санскар на части, довершил исчерпание влечений».

Причастие anibbisam в первой строке традиционно трактуется как «не обретая знания», что не вполне убедительно. Обычное палийское значение глагола nibbisati — «входить внутрь», а в санскрите, более того, nigviś означает даже «обосноваться в доме». Предлагаемое значение, согласно палийскому словарю PTS (с. 404), отмечено только в форме причастия и только в данном контексте.

Комментарий к данным строфам, несмотря на, казалось бы, важность тщательного разбора, скуден. О загадочном «строителе дома» сказано лишь, что это «причина (сансары), возвращающая влечения (taṇhāvaḍḍhaki)», без какого-либо пояснения, почему такой образ расшифровывается так, как предложено.

Переведем эти строфы, допуская небольшие грамматические неправильности, в санскритское звучание.

153.

- (a) Anekajātisamsāram sam(a)dhāviṣam anirviśan,
(b) Gṛhakāraḥkaṃ gaveṣan. Duḥkhā jātiḥ punaḥ punaḥ.

154

- (a) Gṛhakāraḥka! dṛṣṭo'si. Punar gṛhaṃ na kāṛṣyasi;
(b) Sarvā te phāsukā bhagnā, gṛhakūṭaṃ viśaṅkṛtaṃ;
(c) Viśaṅkāragataṃ cittaṃ tṛṣṇānāṃ khayam adhyaḡāt.

В этом варианте в 154 (а) проступила звукотема, содержащая разгадку строителя»: g-k-r-ḡ-ā дает rāga «страсть». Согласно буддийской концепции, человеком рождаются из страсти к такому виду существования, но эта страсть не видна самому существу, которому предстоит родиться, поскольку оно охвачено неведением. Если же увидеть страсть и ее последствия, то данное стремление рассеется и перерождениям придет конец. Именно этого

добился Сиддхартха Гаутама, став Буддой, именно об этом он сказал с намеком, не прямо. И разгадка этого намека предвосхищает предстоящий успех на пути его учеников, которые так же увидят и тем самым нейтрализуют свою страсть. Но прежде этого они должны увидеть слово «страсть» в строфе, сказанной Буддой. Причастие *anirviśan* выше я предлагаю толковать как «не по-настоящему входя в дом / тело, т. е. не полностью отождествляясь с сансарным существованием, но решая задачу по отысканию его причины».

Библиография

- Дементьев И.* Главный принцип индоевропейской поэзии или «вольное этимологизирование»? Обзор современных зарубежных публикаций об анаграммах в культурах Древнего Востока и античности. Слово.ру. Балтийский акцент. 2014. Т. 5, № 2. С. 7–18.
- Дхаммапада» / Перевод с пали, введение и комментарии В.Н. Топорова. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 160 с.
- Памятники литературы народов Востока. Bibliotheca Buddhica XXXI. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 158 с.
- Проблемы изучения анаграмм. М.: Институт русского языка, 1995. 139 с.
- Prakrit Dhammapada based on M. Senart's Kharosthi Manuscript with text, translation and notes / By B. Barua and S. Mitra. Calcutta: University of Calcutta, 1921. 257 p.
- The Gandhari Dhammapada / Ed. by John Brough. L.: Oxford University Press, 1962. 317 p.
- The Sacred Books of the East, Vol X. Part One. Dhammapada / Transl. from Pali by F. Max Müller. Oxford: Clarendon Press, 1898. 99 p.
- www.tipitaka.org.